

КРОВНЫЕ РОДИТЕЛИ ДЕТЕЙ, ИЗЪЯТЫХ ИЗ СЕМЬИ, В ДИСКУРСЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Майя Яппинен (maiija.jappinen@helsinki.fi)

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия

Цитирование: Яппинен М. (2018) Кровные родители детей, изъятых из семьи, в дискурсе сотрудников органов защиты детей. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(3): 93–114. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.5>

Аннотация. Целью реформы в области защиты прав ребенка в России является деинституционализация традиционной системы защиты детей, что означает перемещение акцентов с учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, на приемные семьи и развитие профилактической поддержки кровных семей. До настоящего времени основной упор реформы приходился на обновление института приемной семьи. Работе с кровными родителями не уделялось значительного внимания ни в процессе реформирования системы, ни в научных исследованиях. Наше исследование направлено на кровных родителей детей, помещенных в детские дома или приемные семьи. Анализируется, как сотрудники органов защиты детей говорят о кровных родителях детей, помещенных в детский дом или в приемную семью, и о их роли в жизни ребенка. Какие дискурсы используют специалисты, говоря о таких родителях и их родительстве? Какое участие кровные родители могут принимать в жизни своих детей, помещенных в приемные семьи и детские дома? Статья написана на материале двадцати полуструктурированных экспертных интервью, взятых в Нижегородской области в 2015–2016 гг. В анализе выделяются четыре основных дискурса, которыми пользуются специалисты, говоря о кровных родителях ребенка: (1) дискурс об утраченном родительстве, (2) дискурс о кровных родителях как помехе для адаптации ребенка, (3) дискурс о родителях, пренебрегших родительскими обязанностями, и (4) дискурс о родителе, нуждающемся в поддержке. В заключение обсуждаются способы поддержать вовлеченность кровных родителей в жизнь ребенка, изъятого из семьи. Родительство может быть ценным, даже если ребенку нельзя жить дома.

Ключевые слова: защита детей, социальное сиротство, деинституционализация, кровные родители, родительство, анализ дискурса.

Введение

Один из центральных принципов Конвенции ООН о правах ребенка — это право ребенка жить и воспитываться в семье и знать своих родителей. Это же подчеркивает и Семейный кодекс РФ. В современном

российском обществе родительство считается большой ценностью. Государство превозносит традиционные семейные ценности и особо выделяет роль нуклеарной семьи, состоящей из родителей разного пола и их кровных детей, называя такую семью основной ячейкой российского общества. Семейная политика 2000-х годов поддерживала благополучные молодые семьи исходя из пронаталистских задач, т.е. была направлена на повышение рождаемости (Chandler 2013; Cook 2011), однако в последние годы отдельное внимание уделялось детям, оставшимся без попечения родителей. По сути цель идеологической работы осталась прежней — укрепление семейных ценностей. Только теперь работа перенаправлена на обеспечение права ребенка воспитываться в семье.

Начиная с конца прошедшего десятилетия целью осуществленной реформы в области защиты прав ребенка стала деинституционализация традиционной системы защиты детей, что означает перемещение акцентов с учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, на приемные семьи и развитие профилактической поддержки кровных семей. Вследствие реформы российская система защиты детей стала объектом растущего социологического интереса (см., например: Kulmala, Rasell, Chernova 2017; Kulmala 2017; Biryukova, Sinyavskaya 2017; Disney 2015; Ярская-Смирнова, Присяжнюк, Вербилович 2015). До настоящего времени основной упор реформы приходился на обновление института приемной семьи. Работе с кровными родителями не уделялось значительного внимания ни в процессе реформирования системы защиты детей, ни в научных исследованиях.

Наше исследование направлено на кровных родителей детей, помещенных в детские дома или приемные семьи. Мы проанализируем, как сотрудники органов защиты детей говорят о кровных родителях детей, помещенных в детский дом или в приемную семью, и о их роли в жизни ребенка. Какие дискурсы используют специалисты, говоря о таких родителях и их родительстве? Какое участие кровные родители могут принимать в жизни своих детей, помещенных в приемные семьи? Анализ основан на полуструктурированных экспертных интервью, взятых в Нижнем Новгороде у сотрудников государственных и муниципальных органов защиты детей, а также у представителей негосударственных организаций, работающих в сфере защиты детей.

В заключение статьи на основе финского опыта мы обсудим способы поддержать вовлеченность кровных родителей в жизнь ребенка, изъятого из семьи. Финская система выбрана в качестве примера отчасти потому, что она довольно сильно отличается от российской в отношении работы с кровными родителями и может в этом смысле вызвать интерес

у российских читателей. Отчасти примеры из финской системы приводятся потому, что автор исследования хорошо ее знает в силу своей исследовательской и практической деятельности.

Российская система защиты детей

Международные исследования подразделяют системы защиты детей на ориентированные на защиту ребенка (child protection oriented), ориентированные на предоставление услуг семье (family service oriented) и ориентированные на работу с ребенком (child focusing) (Gilbert 1997; Gilbert, Parton, Skivenes 2011). В системе, ориентированной на защиту детей (например, США, Канада), вмешательство в семью происходит с целью защитить ребенка от жестокого обращения родителей или других родственников. Для такого подхода характерны упор на юридическое разбирательство, минимальное сотрудничество с родителями и большое количество случаев принудительного помещения детей в детский дом или приемную семью. В системе защиты детей, ориентированной на предоставления услуг семье (например, Скандинавские страны, в том числе Финляндия), подчеркивается важность поддержки с целью разрешить проблемы семьи. Семьям предлагается терапевтическая поддержка, ведется совместная работа с родителями, упор делается на предоставление нестационарных услуг и добровольное изъятие из семьи. В последние годы в разных странах все чаще практикуется защита детей, ориентированная на ребенка и его способность принимать решения и действовать в собственных интересах (Gilbert, Parton, Skivenes 2011; Pösö, Skivenes, Hestback 2013; Tulensalo 2016).

На основании вышеприведенной классификации российскую систему защиты детей можно отнести к ориентированным на защиту ребенка. Сотрудники органов защиты детей вмешиваются в ситуацию неблагополучия в жизни ребенка уже на позднем этапе, но вмешательство это резкое. Зачастую мерой вмешательства становится изъятие ребенка из семьи. Родителей в такой ситуации скорее осуждают за пренебрежение родительскими обязанностями, нежели оказывают им терапевтическую поддержку. После изъятия ребенка из семьи к родителям могут применить меру лишения или ограничения родительских прав. В целом ограничение родительских прав применяется, например, в случае, когда к изъятию ребенка из семьи привело психическое заболевание родителя или трудная жизненная ситуация. Основанием для лишения родительских прав могут стать пренебрежение родительскими обязанностями, злоупотребление спиртным или наркотиками, физическое насилие над ребенком (Семейный кодекс РФ). Из двух вышеперечисленных мер чаще применяется лишение

родительских прав (Biryukova, Sinyavskaya 2017). Задача реформы, однако, состоит в том, чтобы в дальнейшем родительские права все чаще только ограничивали.

Реформа направлена на сокращение явления «социального сиротства». Инструментами реформы являются поддержка семьи с целью избежать изъятия ребенка, устройство детей, воспитывающихся в учреждениях, в приемные семьи и развитие форм поддержки и обучения приемных семей. В ключевых постановлениях реформы, таких как «Национальная стратегия о действии в интересах детей на 2012–2017 годы» и Постановление Правительства «О деятельности организаций для детей сирот», говорится о поддержке кровных родителей ребенка, изъятых из семьи, чтобы сделать возможным возвращение ребенка в родную семью, но на настоящий момент реализации этого аспекта не было уделено достаточно внимания. До сих пор наиболее значимые меры касались развития института приемной семьи и создания в оставшихся детских домах условий, приближенных к домашним.

Результативность реформы измеряется не широтой спектра мер, направленных на поддержку кровных родителей, и не количеством детей, вернувшихся после изъятия в родную семью, а количеством детей, переведенных из детских домов на воспитание в приемные семьи (Kulmala 2017). Статистические данные свидетельствуют, что возвращение детей в родные семьи не является приоритетом реформы (Biryukova, Sinyavskaya 2017). Систематические изменения могут тем не менее оказать положительное влияние на развитие профилактических услуг, направленных на раннюю поддержку семьи. В случае успеха эти изменения могут стать первым шагом к переориентации российской системы защиты детей на оказание услуг семьям (Gilbert, Parton, Skiveles 2011).

В отличие от других стран, российская система защиты детей отличается и с точки зрения используемых понятий. Детей, изъятых из семьи, обычно называют сиротами, независимо от того, живы их родители или лишены родительских прав решением суда. Часто отдельно выделяют социальных сирот, когда речь идет о детях, чьи родители живы, но не участвуют в жизни детей. Социальные сироты составляют около 80 % всех сирот Российской Федерации. Система постоянно увеличивает их количество через процедуру лишения родительских прав.

В статье вместо понятия «социальной сироты» в основном используется другое укоренившееся в законодательстве РФ и системе защиты детей понятие — «дети, оставшиеся без попечения родителей». Предпочтение отдано второму термину, чтобы подчеркнуть, что родители

по-прежнему живы и позднее могли бы играть какую-то роль в жизни ребенка, несмотря на то что в данный момент ребенок не находится на их попечении.

Исследовательский материал и анализ

Статья написана на материале двадцати полуструктурированных экспертных интервью, взятых в Нижегородской области в 2015–2016 гг.* Нижегородская область — российский регион, занимающий среднее место по показателям социально-экономического роста и уровня жизни и традиционно являющийся относительно зависимым от федерального бюджетного финансирования (Nikula, Ivashinenko 2017: 384). В Нижегородской области, в отличие от пилотных регионов реформы, реформирование органов защиты детей и структур, отвечающих за заботу о социальных сиротах, началось лишь несколько лет назад.

В фокусе интервью находились ситуации социального сиротства в Нижегородской области, динамика последних лет, развитие методов работы, реализация реформы системы защиты детей и влияние федеральных стратегий и программ на региональном и местном уровнях. Участниками интервью стали сотрудники органов опеки (7), детских домов (5), школы приемных родителей (2), центра поддержки семьи (1), регионального Министерства образования (1) и негосударственных организаций по защите детей (5). Поиск экспертов из государственных и муниципальных служб был основан на принципе качества отбора и достижимости. Более подробная информация о респондентах не может быть раскрыта из-за строгого соблюдения анонимности участников и конфиденциальности исследования. В поиске экспертов из негосударственных организаций использовались знания участников проекта об активно работающих областных НКО и метод снежного кома, т.е. респонденты называли другие организации, работающие в интересующей нас сфере. Более подробная информация об этих организациях не дается из-за соблюдения принципа анонимности и конфиденциальности.

Анализ материала проведен методом исследования, произведенного специалистами дискурса о кровных родителях, т.е. мы изучаем, как с помощью речи выстраиваются понятия и представления об окружающем мире и мы не рассматриваем речь только как средство передачи инфор-

---

* Интервью записаны местной исследовательской группой под руководством профессора Нины Ивашиной в рамках исследовательского проекта «Право ребенка на семью — деинституционализация системы защиты детей в путинской России», возглавляемого доктором общественно-политических наук Мери Кулмала.

мации (Gee 2010). В исследовании дискурса важно помнить, что соотношение политических направлений с более широкими социальными оценками и представлениями неоднозначно (Murray, Powell 2009). Изменения, внесенные в политические постановления, не сразу находят отражение в образе мысли специалистов, которые также подвержены влиянию наиболее распространенных социальных установок и стереотипов. Поэтому, анализируя реформу системы защиты детей, важно исследовать в качестве материала как ведущие политические стратегии реформы, так и интервью с сотрудниками, непосредственно ее реализующими. В статье упор сделан на анализе интервью. Политические документы и содержащиеся в них стратегии по обновлению системы защиты детей служат отправной точкой анализа, а дискурсы специалистов соотносятся с политическими целями.

В том, как именно специалисты говорят о кровных родителях детей, изъятых из семьи, отражено активное применение институциональной власти. Эти специалисты наделены большими полномочиями и определяют судьбы несовершеннолетних детей и их родителей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Они подготавливают и принимают решения относительно взаимоотношений и контактов детей с родителями. Мнения детей и родителей в данном исследовании не учитываются. Вероятно, они бы высказывались по нашему вопросу в ином ключе.

Анализ материала был проведен следующим образом. Сначала мы прочитали все транскрибированные интервью объемом 162 страницы и отобрали для более подробного анализа те их фрагменты, в которых специалисты говорят о кровных родителях детей. Объем текста, отображенного для подробного анализа, составляет 17 страниц. Репертуары говорения о кровных родителях варьируются от фактического до юридического, морально-этического и даже криминализованного репертуара. Следует отметить, что респонденты гораздо больше говорят о приемных семьях, о поддержке приемных родителей и об усыновлениях, хотя по всем темам было задано примерно одинаковое количество вопросов. Чаще всего о кровных родителях и работе с ними ведут речь представители опеки, детских домов и центров поддержки семьи. Существенные различия в ответах респондентов заметны даже внутри одной организации, что указывает на влияние личных взглядов специалистов на построение дискурса. Представители школ приемных родителей говорили о работе с кровными родителями ожидаемо мало. Однако представители НКО также говорили о работе с кровными родителями неожиданно мало.

На следующем этапе анализа мы несколько раз читали выбранный фрагмент и выделяли повторяющиеся по смыслу фрагменты речи. Далее

мы сравнивали частотность появления этих фрагментов у разных респондентов. По мере продвижения анализа мы выделили четыре основных дискурса, которыми пользуются специалисты, говоря о кровных родителях ребенка. Различие и полярность дискурсов связаны прежде всего с тем, признается ли за кровным родителем ценность для ребенка после изъятия ребенка из семьи, и с мнением специалистов о необходимости применения каких-либо мер к родителям.

Дискурсы о кровном родительстве

Дискурс об утраченном родительстве

Традиционно кровные родители рассматриваются как утраченный ресурс в жизни ребенка. После лишения родительских прав родители и родительство перестают существовать, что подчеркивает применимое к детям понятие «социальный сирота». Елена Хлыновская-Рокхил, проводившая этнографическое исследование в детских домах на российском Дальнем Востоке, назвала это явление символической смертью кровных родителей (Khlinovskaya-Rockhill 2010).

В рамках материала нашего исследования дискурс утраченного родительства означает и то, что в интервью о кровных родителях упоминается мало. Гораздо больше внимания в ответах специалистов уделяется найму и обучению приемных родителей, поиску новых домов и семей для детей, все еще воспитывающихся в учреждениях, и усыновлению как лучшему решению проблемы социального сиротства, несмотря на то что интервьюеры спрашивали, возвращаются ли дети в кровные семьи и какие механизмы профилактики социального сиротства существуют.

По мнению интервьюируемых специалистов, случаи возвращения изъятых из семьи детей в родную семью являются исключительными.

И. Практика возврата детей из приемных семей в биологические семьи присутствует?

Э. В биологические семьи практически нет, если только кто из тюрьмы вернется, но это 1 из 300 детей. В год 1–2 ребенка. Так мы это знаем и опеку на этот срок устанавливаем. А так, чтобы восстановиться в родительских правах... практически никто не восстанавливается (интервью 3, опека).

Статистически только один ребенок из десяти возвращается после изъятия в родную семью. И это при том, что у 80 % детей жив один или оба родителя (Biryukova, Sinyavskaya 2017).

Дискурс о кровных родителях как помехе для адаптации ребенка

В предыдущем дискурсе об утраченном родительстве отправной точкой является то, что после изъятия родители больше не участвуют в жизни ребенка. С этим связано представление о приемной семье как о ресурсе, способном полностью заменить кровных родителей. Специалисты отвечали, что прекращение общения с кровными родителями происходит в интересах ребенка. Вместе с этим поддержание контакта с кровными родственниками представлялось угрозой для адаптации ребенка в новой семье. Таким образом, активность родителей и их желание поддерживать связь с ребенком считались негативным явлением.

Здесь большая задача стоит, как найти подход к детям, чтобы поняли, что это для их блага делается. И должны мы создать условия, чтобы они были готовы идти в приемные семьи и чтобы понимали, что приемная семья вполне может заменить родную. <...> Отношение родственников наших детей негативное порой, т.к. у большинства детей родственники имеются, лишены родительских прав, к некоторым даже приходят. Мамы-папы, которые алкоголизируют и вроде говорят, что возьмут ребенка, но, понятно, что никогда не возьмут его. Они только мешают дальнейшему процессу развитию ребенка (интервью 5, детский дом).

В этом дискурсе усыновление считалось лучшим решением для ребенка, поскольку изменение в семейных связях становилось окончательным, что защищало ребенка от возвращения к кровным родителям. Специалисты также считали, что очередное изменение семейных связей после успешной адаптации в новой семье может быть для ребенка травматичным.

*Дискурс о родителях, пренебрегших
родительскими обязанностями*

В основе российского Семейного кодекса лежат представления о правах и обязанностях детей и родителей. В исследовательском материале о кровных родителях детей, изъятых из семьи, часто говорится как о пренебрегших своими обязанностями. С точки зрения статистики пренебрежение родительскими обязанностями также является самым распространенным основанием для лишения родительских прав (Birjukova, Sinyavskaya 2017: 372).

В этом дискурсе подчеркивается, что не бывает прав без обязанностей и родительства без исполнения родительских обязанностей. Изъятие

ребенка из семьи и лишение родительских прав в ответах специалистов даже представлялось недостаточной мерой, применяемой к родителям, пренебрегшим своими родительскими обязанностями, и специалисты считали, что родителей нужно наказать дополнительно.

Самое главное, может быть, чего не хватает — это ответственности. Вот сегодня просто прием граждан у нас был с утра. Мы говорили о том, что, ну хорошо, маму лишили родительских прав, папу лишили родительских прав, они продолжают дальше гулять-пить, алименты какие-то по 10 рублей в месяц, пускай, они платят. Но мы фактически создали им все условия для того, чтобы они продолжали вот такой вот образ жизни. У них нет ребенка, за которым надо смотреть, которого надо воспитывать. <...> Но таких родителей не просто же родительских прав нужно лишать, какие-то нужны наказания, может быть вплоть до лишения свободы таких родителей, которые постоянно бросают своих детей. Поэтому трудно здесь говорить о каких-то законах, который может решить проблему социального сиротства (интервью 19, Министерство образования).

С этим дискурсом также связана особенность говорить о родителях как об отказавшихся от своих детей. Такой выбор выражений подчеркивает, что специалисты возлагают на родителей ответственность за их решение пренебречь потребностями своих детей и отдать их на воспитание другим людям. Ключевым в этом дискурсе становится вопрос *безответственности* родителей и то, как можно помочь им вновь принять на себя ответственность за своих детей. Один из представителей опеки, к примеру, высказал надежду на появление законодательства об ответственности родителей, благодаря которому можно было бы вернуть большинство детей кровным родителям.

Этот дискурс сильно отличается от позиции, в которой подчеркивались бы обстоятельства, не позволившие родителям заботиться о своих детях. Такими обстоятельствами могут быть проблемы с употреблением алкоголя или наркотиков, психическое заболевание или психическая травма, из-за которых родитель не способен учитывать потребности ребенка и сформировать к нему отношение здоровой привязанности.

Общим для дискурса о родителях, пренебрегших родительскими обязанностями, и дискурса об утраченном родительстве является убеждение, что кровный родитель не может ни в настоящем, ни в будущем представ-

лять ценность для ребенка, воспитывающегося в приемной семье. В отличие от дискурса об утраченном родительстве, здесь специалисты считают родителя наказанным недостаточно и видят необходимость в дополнительных мерах.

Дискурс о родителях, нуждающихся в поддержке

Рассмотренные ранее дискурсы создают крайне негативное и детерминистическое представление о кровном родительстве после изъятия ребенка из семьи. Наравне с этими дискурсами в исследовательском материале все-таки присутствует и более оптимистический взгляд на кровных родителей. Их рассматривают как будущий ресурс ребенка, при условии, что они получают необходимую помощь для решения своих проблем и поддержку в родительстве. В этом дискурсе долгосрочной целью является возвращение ребенка из детского дома или приемной семьи к кровным родителям.

Если это к биологическим родителям, то это хороший показатель, если удастся восстановить родителей в правах и вернуть ребенка — это хорошо. <...> Мы стараемся работать с биологическими родителями, убеждать их, что прошло достаточно времени и ситуация изменилась — многие начали работать, образ жизни изменили, пора вернуться и к детям, убеждаем, что это нужно сделать, помогаем собирать документы на восстановление родительских прав. И детей возвращаем. По 1–2 случая в год (интервью 1, опека).

Количество детей, возвращающихся к кровным родителям после лишения родительских прав, невелико. По высказываниям специалистов можно судить, что они преследуют цели, определенные Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012–2017 гг., — реабилитация и поддержка родителей в интересах воссоединения семьи. Однако стратегически достижение этих целей пока остается на общем уровне, их реализация, в сравнении с обновлением системы приемного воспитания, получила лишь незначительное внимание.

Используя данный дискурс, специалисты подчеркивали значимость многостороннего сотрудничества при поддержке кровных родителей. Один из респондентов описал положительный пример такого взаимодействия следующим образом:

Работа с кровной семьей, ее проводят как органы опеки, так и комиссии по делам несовершеннолетних в большей степени, но и мы

тоже воздействуем. Потому что у нас есть такие случаи, когда благодаря именно нашему взаимодействию с мамами, которые были лишены родительских прав — они восстановились. Мы готовы здесь встречать родителей — пожалуйста, приходите, но не все родители могут или хотят это сделать в силу своей зависимости, болезней. Но у нас в общем-то такие случаи есть (интервью 9, детский дом).

В пользу усиления дискурса о поддержке кровных родителей свидетельствует и то, что в интервью представители центра поддержки семьи и приюта назвали возвращение детей в кровную семью первоочередной целью своей деятельности.

Во-первых, наш приоритет — это вернуть ребенка в семью. У нас стационарное отделение самое большое, наша задача, чтобы ребенок вернулся в семью (интервью 7, центр поддержки семьи).

[Основным приоритетом деятельности является] *сохранение ребенка его биологической семьи. Когда ребенок поступает, мы же не только начинаем реабилитировать ребенка, но и начинаем работать с его семьей — постоянно посещаем, беседуем, консультации специалистов проводим, пытаемся восстановить семью, утраченные связи* (интервью 13, детский приют).

С точки зрения поддержки кровных семей ключевыми являются стороны, работающие с семьей на раннем этапе, до лишения родительских прав и долгосрочного изъятия из семьи. Такая работа возможна при кратковременном изъятии из семьи или в лучшем случае еще до возникновения потребности в изъятии. Значительные рычаги влияния реформы связаны именно с возможностью укрепить эту часть системы защиты детей и разработать эффективные методы поддержки кровных родителей на еще более раннем этапе.

Можно сделать вывод, что в дискурсе о родителе, нуждающемся в поддержке, кровных родителей считают важными и ценными для ребенка, независимо от того, были ли они всегда способны действовать в интересах ребенка. Неспособность или нежелание родителя взять на себя обязательство сотрудничать рассматривается не исключительно как их выбор, но и как следствие их зависимости и болезни. Надежда есть. Часть родителей способна ухватиться за возможность сотрудничать со специалистами, чтобы ребенок мог вернуться домой.

Вывод о дискурсах

Выше мы рассмотрели четыре дискурса о кровных родителях детей, изъятых из семьи, которыми пользуются специалисты. В заключение мы систематизируем соотношение дискурсов друг с другом, расположив их в четырехпольной таблице, где вертикальная ось отражает степень участия кровных родителей в жизни ребенка, изъятого из семьи, а горизонтальная — мнение специалистов о необходимости применения каких-либо мер к родителям.

В дискурсе об утраченном родительстве кровные родители не принимают участия в жизни ребенка. Представителям органов защиты детей нечего предложить кровным родителям в качестве поддержки и нет никаких пожеланий в отношении родительской роли. Специалисты сосредоточены на работе с ребенком и с учреждением или приемной семьей, куда ребенок помещен на воспитание. В дискурсе о кровных родителях как помехе для адаптации ребенка родитель участвует в жизни ребенка, встречаясь с ним там, куда он помещен на воспитание. Однако специалисты считают такое общение негативным и препятствующим адаптации ребенка. По мнению специалистов, было бы лучше, если бы родитель прекратил общение. К родителю не применяется никаких дополнительных мер.

В дискурсе о родителях, пренебрегших родительскими обязанностями, родитель не участвует в жизни ребенка. Специалисты считают, что изъятие ребенка у родителей, пренебрегших родительскими обязанностями, не является достаточным и таких родителей надо наказать дополнительно. В дискурсе о родителе, нуждающемся в поддержке, родитель участвует в жизни ребенка. Видится желательным, чтобы его роль в жизни ребенка в будущем возросла и чтобы ребенок смог снова жить со своим кровным родителем, если тот приведет в порядок свои дела. В этом дискурсе задачей сотрудников органов защиты детей является поддержка родителей на пути к переменам.

Интересная часть исследования дискурса заключается в рассмотрении того, о чем не говорят. В нашем исследовательском материале замолчанным дискурсом является дискурс о родительстве и общении ребенка с родителем или другими родственниками как ценности для ребенка. Респонденты не говорили о том, что участие родителя в жизни ребенка достойно поддержки со стороны органов защиты детей независимо от того, существует ли реалистичный шанс на возвращение ребенка к кровным родителям. Утрируя, можно сказать, что в глазах сотрудников органов защиты детей роль родителей сводится к обеспечению защиты и предо-

Таблица 1

Дискурсы о кровном родительстве

<p>Родитель, пренебрегший родительскими обязанностями: Не участвует в жизни ребенка. Мнение сотрудников органов защиты детей: необходимо наказать родителя за пренебрежение родительскими обязанностями.</p>	<p>Родитель, нуждающийся в поддержке: Участвует в жизни ребенка, надежда на возвращение ребенка домой в будущем. Мнение сотрудников органов защиты детей: поддержка родителей с целью возвращения детей.</p>
<p>Родитель, утративший родительство: Не участвует в жизни ребенка. Отсутствие мер со стороны органов защиты детей.</p>	<p>Родитель, препятствующий адаптации ребенка: Родитель участвует в жизни ребенка, но его участие (контактирование с местом, куда помещен ребенок) является нежелательным. Отсутствие мер со стороны органов защиты детей.</p>

ставлению заботы, и если родители не справляются с этими ролями, то могут исчезнуть из жизни ребенка.

Возможно ли движение в сторону поддержки участия родителей в жизни детей?

По определению Конвенции ООН о правах ребенка и Семейного кодекса РФ, отправной точкой системы защиты детей является принцип защиты интересов ребенка. Потребности и пожелания родителей второстепенны относительно интересов ребенка. Есть ситуации, в которых для ребенка лучше, чтобы он до совершеннолетия воспитывался вне кровной семьи и не общался с родителями. Важно, чтобы у ребенка сформировалась основанная на безопасности и постоянстве привязанность к приемным родителям. Связь с кровными родителями тем не менее важна для ребенка, даже если он воспитывается в приемной семье длительное время (см., например: Hämmäläinen 2012).

Из эмпирического материала исследования становится понятно, что многое еще нужно сделать, прежде чем поддержка кровных семей станет приоритетом в политических программах. Или прежде чем отношение специалистов на местном уровне изменится в полном соответствии с целями, прописанными в этих программах, о поддержке родителей для возможного воссоединения семьи. Сигналы об изменениях в сторону поддержки участия кровных родителей в жизни ребенка и их родительства

присутствуют, о чем свидетельствует рассмотренный нами дискурс о родителе, нуждающемся в поддержке.

Далее остановимся на способах поддержать вовлеченность кровных родителей в жизнь ребенка, изъятого из семьи. Родительство может быть ценным, даже если ребенку нельзя жить дома. Важно поддерживать общение родителя и ребенка, поскольку у ребенка есть право знать своих родителей. К тому же следует чаще оценивать возможность возвращения ребенка в родную семью при условии предоставления семье необходимой помощи. Сохранить общение между ребенком и родителем важно и с точки зрения возможного воссоединения семьи в будущем.

Приведенные нами примеры опираются по большей части на способы финской системы защиты детей поддерживать вовлеченность кровных родителей в жизнь детей. Отправной точкой законодательства в сфере защиты детей является убеждение, что кровные родители остаются родителями во всех ситуациях, даже если ребенок изъят из семьи. В отличие от России, усыновление в Финляндии не рассматривается как одна из форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Случаев усыновления финских детей всего несколько десятков в год. И для усыновления всегда требуется согласие кровных родителей, за весьма редким исключением (Закон об усыновлении, § 11).

Устраивая на воспитание ребенка, изъятого из семьи, необходимо учитывать цель восстановления семьи в интересах ребенка (Закон о защите детей, § 4). Европейский суд по правам человека в вынесенных решениях также подчеркивает временный характер такой меры, как изъятие из семьи, и необходимость ее прекращения, как только позволят обстоятельства (ТНЛ* 2017). На практике воссоединение семьи не всегда хорошее решение, если ребенок уже на протяжении многих лет воспитывается в приемной семье и хорошо адаптировался. В таком случае стабильность жизненной ситуации ребенка является более веским доводом при вынесении решения, чем изменчивая жизненная ситуация кровных родителей и их ожидания по воссоединению семьи. И даже в этой ситуации нахождение ребенка в приемной семье может быть продлено только в случае, если воссоединение семьи явно противоречит интересам ребенка.

Важно исходить из того, что общение ребенка с кровными родителями можно и нужно поддерживать, даже если воссоединение семьи невозможно или несвоевременно. План работы с ребенком, изъятым из семьи, обновляется как минимум раз в год. Помимо ребенка, учреж-

---

* Национальный институт здоровья и благополучия Финляндии.

дения или приемной семьи, где воспитывается ребенок, и социального работника, сопровождающего ребенка, кровные родители также участвуют в обновлении этого плана. В нем должно быть прописано, как будет осуществляться общение и взаимодействие ребенка с кровными родителями и другими важными для него людьми. Формами взаимодействия могут быть, например, общение по телефону, каникулы выходного дня у кровной семьи и визиты кровных родителей к ребенку в учреждение или приемную семью (Закон о защите детей, § 30; THL 2017). К примеру, в некоторых детских домах домашнего типа кровным родителям предоставляется возможность ночевки во время посещения ребенка.

Выше мы описали минимальные установленные законодательством требования к поддержке вовлеченности кровных родителей в жизнь ребенка, изъятого из семьи. За последние годы финские общественные организации активно развивали способы поддержки кровных родителей, чьи дети были изъяты из семьи. Коротко представим те, которые оказались эффективными с точки зрения кровных родителей и способствовали поддержке их участия в жизни ребенка. Эти способы разрабатывались специалистами совместно с «экспертами опыта» в лице кровных родителей, столкнувшихся с изъятием ребенка.

Финское «Консультационное общество по вопросам семьи и воспитания «КАСПЕР»»^{*} подготовило методическое пособие по ведению групп взаимоподдержки для кровных родителей и обучает ведущих таких групп. Целью работы групп под руководством обученных специалистов является поддержать родителей, помочь им справиться с проблемами и укрепить их родительство, а соответственно, повысить и уровень благополучия их детей. В рамках одного из проектов общества была создана группа «Обратно домой», предназначенная для кровных родителей, чьи дети должны скоро вернуться домой, потому что срок их изъятия из семьи подходит к концу. Созданные под проектным началом родительские советы, в состав которых вошли родители, столкнувшиеся с изъятием детей из семьи, также составили методическое пособие для семей, оказавшихся в схожей ситуации. Помимо этого, родительские советы подготовили список пожеланий к работе, ведущейся с кровными родителями, для ознакомления сотрудников органов защиты детей. Родители высказали в том числе следующие пожелания: чтобы в них видели человека, чтобы помощь была более ранней, чтобы им была передана достоверная информация о правах

---

^{*} KASPER — аббревиатура от «KAsvatus- ja PERheneuvontaliitto» — «Консультационное общество по вопросам семьи и воспитания».

и обязанностях детей и родителей. По мнению кровных родителей, поддержка родительства важна, поскольку позволяет действовать конструктивно и быть опорой ребенку, который по той или иной причине изъят из семьи (Voikukka 2015).

В Эспоо, втором по величине городе Финляндии, разработана модель под названием «Кейну» (фин. «качели») по поддержке детей, помещенных в приемные семьи, а также приемных и кровных родителей. Отправной точкой в этой модели является видение сотрудничества между приемными и кровными родителями как главного условия для благополучия ребенка. Название «Качели» описывает ситуацию помещенного в приемную семью ребенка, который балансирует на качелях взаимодействия между приемными и кровными родителями. В рамках этой рабочей модели муниципалитет Эспоо проводит дневные лагеря для изъятых из семьи детей, их кровных и приемных родителей и социальных работников. Задача такого лагеря — обеспечить всем участникам возможность совместного времяпровождения и дать ребенку почувствовать, что окружающие взрослые собрались вместе ради его блага.

Заключение

Системы защиты детей сильно различаются в зависимости от того, какое значение уделяется связи ребенка с его кровными родителями. В некоторых странах стремятся к возвращению ребенка в родную семью, в некоторых считают, что приемная семья способна полностью заменить родную. В статье мы показали, что именно сотрудники российских органов защиты детей говорят о кровных родителях детей, изъятых из семьи, и об их роли в жизни ребенка. Только в одном дискурсе из четырех кровные родители были представлены как важный ресурс в жизни таких детей и были высказаны пожелания, чтобы родитель прошел реабилитацию и позднее мог бы снова жить со своим ребенком. Тем не менее не стоит преуменьшать значение дискурса о поддержке семей. В российской системе защиты детей заметно движение от ориентации на защиту ребенка к ориентации на оказание поддержки семьям (см. также: Kulmala, Järppinen, Chernova 2018). На материале данного исследования видно, что высказывания о приоритетности поддержки семей и возвращения детей в кровную семью противопоставлены традиционным, детерминистским дискурсам, в которых родители, один раз пренебревшие своими обязанностями, навсегда лишаются места в жизни ребенка. В настоящий момент было бы важно направить исследовательский и практический интерес на то, чтобы собрать и проанализировать положительный опыт работы с кровными семьями и выработать новые

методы эффективной поддержки таких семей на максимально раннем этапе.

О контактировании ребенка с кровными родителями в период проживания в приемной семье или детском доме в материале этого исследования было сказано мало, и зачастую об этом говорилось в проблемном ключе. В международных исследованиях одним из требований к приемным родителям часто называют их готовность поддерживать общение ребенка с кровными родителями, а также понимание, что ребенок может одновременно принадлежать более чем к одной семье (Buehler, Cox, Cuddeback 2003; Buehler et al. 2006; Orme et al. 2007; Schofield 2002; Valkonen 2008). В дальнейшем было бы интересно изучить, как такие навыки поддерживаются при обучении приемных родителей в России.

В свете национальной стратегии, регулирующей сферу защиты детей, и постановления № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот» в любом случае получается, что поддержку кровным родителям детей, изъятых из семьи, будут оказывать скорее в тех случаях, когда возможность возвращения ребенка домой в будущем посчитают реалистичной. Такой подход также предполагает изменения в образе мысли и высказываний специалистов, непосредственно занимающихся защитой детей. Помимо этого, в работе по развитию системы защиты детей было бы желательно больше учитывать опыт и пожелания родителей.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при поддержке Хельсинского университета и Фонда “Kone” (Финляндия) в рамках проекта Александровского института “A Child’s Right to a Family — Deinstitutionalisation of Child Welfare in Putin’s Russia” (2016–2018). Автор благодарит участников проекта и его руководителя Мери Кулмалу за сотрудничество и поддержку. Автор также благодарит Н.Н. Ивашиненко и ее коллег из Нижегородского государственного университета за предоставленные полевые материалы.

Литература

Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И., Вербилевич О.Е. (2015) Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(4): 157–173.

Biryukova S., Sinyavskaya O. (2017) Children Out of Parental Care in Russia: What We Can Learn from the Statistics. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 367–382.

Buehler C., Cox M., Cuddeback G. (2003) Foster Parents' Perceptions of Factors that Promote or Inhibit Successful Fostering. *Qualitative Social Work*, 2(1): 61–83.

Buehler C., Rhodes, K., Orme J., Cuddeback G. (2006) The Potential for Successful Family Foster Care: Conceptualizing Competency Domains for Foster Parents. *Child Welfare*, 85(3): 523–559.

Chandler A. (2013) *Democracy, Gender, and Social Policy in Russia*. L.: Palgrave Macmillan.

Cook L. (2011) Russia's Welfare Regime: The Shift Toward Statism. In: Jäppinen M., Kulmala M., Saarinen A. (eds.) *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*. Newcastle; Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

Disney T. (2015) The Role of Emotion in Institutional Spaces of Russian Orphan Care: Policy and Practical Matters. In: Blazek M., Krafl P. (eds.) *Children's Emotions in Policy and Practice: Mapping and Making Spaces of Childhood*. L.: Palgrave: 17–33.

Gee J.P. (2010) *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. L.: Routledge.

Gilbert N. (1997) *Combating Child Abuse: Comparative Perspectives on Reporting Systems and Placement Trends*. N.Y.: Oxford University Press.

Gilbert N., Parton N., Skivenes M. (2011) *Child Protection Systems: International Trends and Orientations*. N.Y.: Oxford University Press.

Hämäläinen K. (2012) *Perhehoitoon sijoitettujen lasten antamat merkitykset kodilleen ja perhesuhteilleen*. Väestötutkimuslaitoksen julkaisusarja D 56/2012.

Orme J., Cuddeback G., Buehler C., Cox M., Le Prohn N. (2007) Measuring Foster Parent Potential: Casey Foster Parent Inventory — Applicant Version. *Research on Social Work Practice*, 17(1): 77–92.

Khlinovskaya-Rockhill E. (2010) *Lost to the State. Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East*. N.Y.: Berghahn Books.

Kulmala M. (2017) Paradigm Shift in Russian Child Welfare Policy. *Russian Analytical Digest*, 200(28): 5–11.

Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. (2017) Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors Behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 353–366.

Kulmala M., Jäppinen M., Chernova Z. (2018) Child Protection System in Russia. In: *The International Handbook of Child Welfare Systems* (forthcoming).

Murray S., Powell A. (2009) What's the Problem?: Australian Public Policy Constructions of Domestic and Family Violence. *Violence Against Women* 15(5): 532–552.

Nikula J., Ivashinenko N. (2017) Foster Care Reform and Social Partnership in Nizhny Novgorod Region. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 383–394.

Pösö T., Skivenes M., Hestbaek A. (2013) Child protection systems within the Danish, Finnish and Norwegian welfare states — time for child centric approach? *European Journal of Social Work*, 17(4): 475–490.

Schofield G. (2002) The significance of a secure base: a psychosocial model of long-term foster care. *Child and Family Social Work*, 7(4): 259–272.

THL (2017) Lastensuojelun käsikirja. [<https://thl.fi/fi/web/lastensuojelun-kasikirja>] (дата обращения: 21.12.2017).

Tulensalo H. (2016) *Lapsen tiedollinen toimijuus lastensuojelun sosiaalityössä*. Professional Licentiate Thesis, University of Tampere [<https://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/98814/LISURI-1460708563.pdf?sequence=1>] (дата обращения: 17.10.2017).

Valkonen L. (2008) Mitä perhehoidosta tiedetään tutkimusten perusteella? In: Ketola J. (ed.) *Sijoita perheeseen. Perhehoito inhimillisenä ja taloudellisenä vaihtoehtona*. Jyväskylä: PS-Kustannus: 99–120.

Voikukkia (2015) *Voikukkia – toimivien käytäntöjen käsikirja*. Helsinki: Suomen kasvatus- ja perheneuvontaliitto. [<https://www.voikukkia.fi/wp-content/uploads/sites/4/2017/12/VOIKUKKIA-kasikirja2015.pdf>] (дата обращения: 21.12.2017).

Источники

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [<http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201206040004.pdf>] (дата обращения: 21.12.2017).

Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [<http://static.government.ru/media/files/41d4e0dc986dd6284920.pdf>] (дата обращения: 21.12.2017).

BIOLOGICAL PARENTS OF CHILDREN IN ALTERNATIVE CARE IN THE DISCOURSES OF CHILD WELFARE PROFESSIONALS

Maija Jäppinen

(maija.jappinen@helsinki.fi)

University of Helsinki, Finland

Citation: Jäppinen M. Krovnyye roditeli detey, izyatykh iz sem'i, v diskurse sotrudnikov organov zashchity detey [Biological parents of children in alternative care in the discourses of child welfare professionals]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(3): 93–114 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.5>

Abstract. The child welfare reform in Russia heads at deinstitutionalizing the old system of children's homes, developing family foster care, and preventive work with families. Until now, the main accent of the reform has been on foster families. Work with biological parents has remained in the margins of both policy reforms and academic research. This discourse-analytical study focuses on biological parents of children, who have been placed into institutions or foster families, and their role on the life of their children. What kind of discourses do child welfare professionals use when talking about these parents and their parenthood? What kind of roles can these parents have in the lives of their children? The analysis builds on 20 semi-structured interviews conducted in Nizhni Novgorod region in 2015–2016. In the analysis, four main discourses were found: (1) discourse of lost parenthood, (2) discourse of biological parents as a threat to child's adaptation, (3) discourse of neglected parental responsibilities, and (4) discourse of parents in need of support. Ways of enhancing biological parents' participation in the lives of children in out-of-home care are discussed in the end of the article. Parenthood can be precious even in a situation, when child cannot live at home with the biological parents.

Keywords: child welfare, deinstitutionalisation, alternative care, biological parents, parenthood, discourse analysis.

Acknowledgements

The project "A Child's Right to a Family — Deinstitutionalisation of Child Welfare in Putin's Russia" has received funding from the University of Helsinki, Aleksanteri Institute, and Kone Foundation. The author also wants to express her gratitude to the project team led by Dr. Meri Kulmala for collaboration and support, and to Prof. Nina Ivashinenko's team in Nizhni Novgorod State University for the interview material used in the study.

References

- Biryukova S., Sinyavskaya O. (2017) Children Out of Parental Care in Russia: What We Can Learn from the Statistics. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 367–382.
- Buehler C., Cox M., Cuddeback G. (2003) Foster Parents' Perceptions of Factors that Promote or Inhibit Successful Fostering. *Qualitative Social Work*, 2(1): 61–83.
- Buehler C., Rhodes, K., Orme J., Cuddeback, G. (2006) The Potential for Successful Family Foster Care: Conceptualizing Competency Domains for Foster Parents. *Child Welfare*, 85(3): 523–559.
- Chandler A. (2013) *Democracy, Gender, and Social Policy in Russia*. London: Palgrave Macmillan.
- Cook L. (2011) Russia's Welfare Regime: The Shift Toward Statism. In: Jäppinen M., Kulmala M., Saarinen A. (eds.) *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*. Newcastle; Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Disney T. (2015) The Role of Emotion in Institutional Spaces of Russian Orphan Care: Policy and Practical Matters. In: Blazek M., Krafl P. (eds.) *Children's Emotions in Policy and Practice: Mapping and Making Spaces of Childhood*. London: Palgrave: 17–33.

Gee J.P. (2010) *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London: Routledge.

Gilbert N. (1997) *Combating Child Abuse: Comparative Perspectives on Reporting Systems and Placement Trends*. New York: Oxford University Press.

Gilbert N., Parton N., Skivenes M. (2011) *Child Protection Systems: International Trends and Orientations*. New York: Oxford University Press.

Hämäläinen K. (2012) *Perhehoitoon sijoitettujen lasten antamat merkitykset kodilleen ja perhesuhteilleen* [The meanings given by children placed in foster care to their home and family relationships]. Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja D 56/2012 (in Finnish).

Orme J., Cuddeback G., Buehler C., Cox M., Le Prohn N. (2007) Measuring Foster Parent Potential: Casey Foster Parent Inventory — Applicant Version. *Research on Social Work Practice*, 17(1): 77–92.

Khlinovskaya-Rockhill E. (2010) *Lost to the State. Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East*. New York: Berghahn Books.

Kulmala M. (2017) Paradigm Shift in Russian Child Welfare Policy. *Russian Analytical Digest*, 200(28): 5–11.

Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. (2017) Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors Behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 353–366.

Kulmala M., Jäppinen M., Chernova Z. (2018) Child Protection System in Russia. In: *The International Handbook of Child Welfare Systems* (forthcoming).

Nikula J., Ivashinenko N. (2017) Foster Care Reform and Social Partnership in Nizhny Novgorod Region. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 383–394.

Pösö T., Skivenes M., Hestbaek A. (2013) Child protection systems within the Danish, Finnish and Norwegian welfare states — time for child centric approach? *European Journal of Social Work*, 17(4): 475–490.

Schofield G. (2002) The significance of a secure base: a psychosocial model of long-term foster care. *Child and Family Social Work*, 7(4): 259–272.

THL (2017) *Lastensuojelun käsikirja* [Child Protection Handbook] [<https://thl.fi/fi/web/lastensuojelun-kasikirja>] (accessed: 21.12.2017) (in Finnish).

Tulensalo H. (2016) *Lapsen tiedollinen toimijuus lastensuojelun sosiaalityössä* [A child's informational agency in child welfare social work]. Professional Licentiate Thesis, University of Tampere [<https://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/98814/LISURI-1460708563.pdf?sequence=1>] (accessed: 17.10.2017) (in Finnish).

Valkonen L. (2008) Mitä perhehoidosta tiedetään tutkimusten perusteella? [What do we know about foster care by research?] In: Ketola J. (ed.) *Sijoita perheeseen. Perhehoito inhimillisenä ja taloudellisenä vaihtoehtona* [Place to a family. Family care as a human and economic option]. Jyväskylä: PS-Kustannus: 99–120 (in Finnish).

Voikukkaa (2015) *Voikukkaa – toimivien käytäntöjen käsikirja* [Dandelion — A Practical Guide]. Helsinki: Suomen kasvatustieteiden ja perheneuvontaliitto. [<https://www.voikukkaa.fi/wp-content/uploads/sites/4/2017/12/VOIKUKKIA-kasikirja2015.pdf>] (accessed: 21.12.2017) (in Finnish).

Yarskaya-Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D.I., Verbilovich O.E. (2015) Priyemnaya sem'ya v Rossii: publichnyy diskurs i mneniya klyuchevykh aktorov [Foster family in Russia: public discourse and opinions of key actors]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 81(4): 157–173 (in Russian).